

УДК 340.01

DOI <https://doi.org/10.71050/2305-3348.2025.17.1.014>

Шиктыбаев Т.Т.,
доктор юридических наук, профессор,
toksanbi@gmail.com¹

Даукетова Ж.Б.,
магистр юридических наук, доцент,
janat_dauketova@mail.ru¹

*Костанайский социально-технический университет
имени академика З.Алдамжар,
110000 г. Костанай, пр-т Кобыланды Батыра, 27¹*

СПРАВЕДЛИВЫЙ КАЗАХСТАН: О ДУХЕ И БУКВЕ ЗАКОНА

***Аннотация.** Статья посвящена осмыслению природы и сущности одного из достаточно широко используемых в социально-правовом дискурсе нарративов как дух и буква закона, их единству и противопоставлению. Данный нарратив автор рассматривает во взаимосвязи с такими актуальными нарративами как справедливый Казахстан, новый и старый Казахстан. В рамках заявленной темы предлагается различать закон: а) в широком понимании – как частное проявление меры в триединстве мироздания: идея-материя-мера; и б) в узком – как продукт социокультурной деятельности человека – меру социальной регуляции (социально-правовой закон), выступающей по отношению к закону (в широком значении) его частным проявлением.*

В работе выдвигается концепция целостного понимания духа права, на основе различения методов форм познания автор обосновывает специфику осмысления термина как дух следующим образом. Так в мифологии (религии) определение понятия дух автор видит в вере – как некой сверхъестественной и недоступной для человеческого разума субстанции; в науке – в объективных научных категориях и проверяемых гипотезах касательно внутреннего (психического, эмоционального и т.д.) мира человека; в философии – в рациональном осмыслении через абстрактные понятия как идея, ценность, нравственность и т.д.;

Автор считает термин «буква» лингвистической единицей. Метафорическое обращение в юриспруденции и других общественных науках к термину буква автор обосновывает исторической потребностью: а) выделить законодательную норму (по аналогии с буквой в лингвистике) в качестве первичной единицы законодательного акта; б) особо указать на объективную сущность, внешнюю и формализованную самодостаточность нормы и закона; в) подчеркнуть принадлежность закона (нормы) к знаковой

системе. Автор аргументирует вывод, что дух и буква закона – это не противостоящие сущности, а, напротив, неотъемлемые и органически связанные элементы позитивного закона, которые как частные проявления элементов триединства мироздания отражают общий замысел природы и всеобщий абсолют.

Целью работы автор обозначает формирование целостного и междисциплинарного понимания духа и буквы Закона, автор использует исторический и сравнительный (компаративистика) методы, анализ и синтез, дедукцию и индукцию в их единстве, эмпирику и личный исследовательский опыт.

Ключевые слова: справедливый Казахстан; старый Казахстан; Новый Казахстан; дух закона; буква закона, позитивный закон; триединство мироздания.

Введение. Справедливый Казахстан, наряду с Новым и старым Казахстаном, в современной казахстанской действительности представляет собой один из наиболее спекулятивных нарративов. Спекулятивных, на мой взгляд, по той причине, что мало кто из людей, использующих эти нарративы в публичной риторике, задумывается над их глубинными философскими смыслами – категориальным содержанием, природой и их сущностями. На мой взгляд, еще меньше тех, кто может четко и глубинно объяснить эти нарративы через призму современных мировоззренческих и цивилизационных вызовов, целостную междисциплинарную методологию исследования. Между тем именно от понимания этих смыслов и таковой методологии зависит будущее казахстанской идентичности. Целостный и критически-актуальный подход к пониманию этих нарративов, как представляется, и есть то базовое условие (цивилизационный компас), без которого всякому фундаментальному и прикладному познанию суждено блуждать в безбрежном океане: а) осмысления современной казахстанской действительности – описания и объяснения неограниченного многообразия ее составляющих; б) поиска причин социально-экономического, политико-правового кризисов и путей их преодоления; в) поиска актуальной цивилизационной модели будущего Казахстана, инструментов и методов ее реализации.

Говоря о Казахстане, познающий субъект, по умолчанию и как правило, связывает содержание данного имени с исторически населяющим его территорию титульным этносом – казахами, справедливо ассоциирует его как культурно-историческую идентичность во всем многообразии – тысячелетним способом бытия казахов¹, с ее сакральными традициями и

¹ Казахи (как этнос) и Казахстан как имя собственное в лингвистике и как культурно-историческая идентичность в публичной межцивилизационной риторике, в культурной динамике развития человечества возникли достаточно недавно - в тринадцатом и четырнадцатом веках нашей эры. Их истории, однако, неразрывно связаны (основаны) с более древней, тысячелетней эволюцией кочевых и степных цивилизаций, историей тюркских и монгольских племен, многих других событий прошлого на евразийском континенте. Поэтому, говоря о казахах и Казахстане в их эволюционно-историческом становлении, мы

величием народных воинов, надеждами на вечное будущее казахской нации (мәңгілік ел), с особым казахском (казахстанском) путем сегодня и в перспективе, огромными территориями и природными богатствами, а главное, с талантливыми современниками – в особенности с творческой и научно-мыслящей молодежью, проявившей себя как у себя в Казахстане, так и в Западной и иных цивилизациях. С другой стороны, говоря о Казахстане, нельзя не учитывать исторически-изменчивую динамику влияния на казахстанскую идентичность географических и внешних социокультурных, геополитических и геоэкономических детерминантов, вековые страдания казахов в борьбе за собственные территории и выживание, трайбализм и чванство, казнокрадство и коррупцию, другие пороки казахского (казахстанского) общества и государства /1/, многие из которых нашли свое место, мутировали и развились в постсоветской действительности.

Противостояние добра и зла, борьба света и тьмы, конкуренция порядка и хаоса, многие другие сущностные противоречия, в логику которой вписываются и обозначенные характеристики казахской (казахстанской) действительности, на мой взгляд, есть сама диалектика, – само условие существования социокультурных (человеческих) миров – инстинктивных и духовно-нравственных (идейно-ценностных) начал в природе человека в их единстве и противоречии. Другое дело, что в каждой отдельной взятой исторической культуре (цивилизации, стране) количественно-качественное соотношение обозначенных антитез различно – на мой взгляд, именно от этого соотношения во многом зависит уровень социально-экономического и политико-правового развития общества. К величайшему сожалению, в этом противостоянии Казахстан сегодня не может похвастать своими успехами – как в экономике и социальном благополучии своих граждан, так и в установлении справедливого миропорядка и правопорядка.

Одним из фундаментальных и идущих из глубины веков, характеризующих добродетель и порядок во всяком цивилизованном обществе, как представляется, выступает справедливость. Наряду с такими фундаментальными устоями как степная демократия, обычное право казахов, такими социальными институтами как кұн и айып, барымта, суд бийев /2, с. 19-31/, справедливость есть одно из главных сакральных наследий казахской (казахстанской) идентичности. Как философско-познавательная и социально-научная категория, как мировоззренческий принцип справедливость неразрывно связана с требованиями и сущностями Нового времени – ее постклассической рациональностью, гуманизмом и высокими технологиями, которые казахстанской культуре предстоит еще освоить и поставить себе на службу. Дух и буква закона в их единстве и противоречии – это ключевые элементы справедливости как идеи и как явления. Именно поэтому настоящее исследование заявлено как «Справедливый Казахстан: о духе и букве закона».

Методы исследования. Разумеется, работа строится на таких теоретических методах как исторический и сравнительный (компаративистика), на методах анализа и синтеза в их единстве, дедукции и индукции, эмпирике и личном исследовательском опыте. Главное, что также составляет отличительную **новизну** данной работы, – это междисциплинарный и постклассический подходы в структурировании, описании и объяснении заявленной темы. Исходя из метода и новизны работы, **целью** настоящего исследования выступает формирование целостной междисциплинарной концепции и представления о праве и справедливости через призму духа и буквы Закона, раскрытие их природы и сущности в тех условиях, когда Казахстан оказался на цивилизационном перепутье. Это при том, что в Основном законе Казахстан и формализовал свою нравственно-духовную приверженность к западным ценностям. С позиции методологической работа ставит своей целью не столько дать ответы в рамках предмета заявленной темы, сколько обозначить проблему и основные пути ее исследования.

В написании работы автор опирается на **философские, научные и иные теоретические труды.** Это философская энциклопедия, работы Монтескье «О духе законов», Бертрانا Рассела «История западной философии», Густава Радбруха «Философия права», Абая «Слова назидания», И.В. Ивлева «Логика для юристов», Роберта Дилтса «Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП», И. А. Покровского «Основные проблемы гражданского права», В.М. Сырых «История и методология юридической науки», И.Л. Честнова «История и методология юридической науки», В.В. Сорокина «Дух права и буква закона: характер соотношения», иные труды многих других авторов, собственные научные и междисциплинарные публикации. К сожалению, объем формата научной статьи ограничен, а также, исходя из требований редакции журнала, автор не имел возможности сделать в тексте ссылки на все те работы, которые прямо или косвенно повлияли на научное мировоззрение автора, выразившееся в концепции и содержании настоящей статьи.

Результаты исследования

Понятие закона, его базовые философско-методологические проблемы

Объединяющим в нарративе дух и буква закона, как видим, выступает термин закон. Поэтому вполне будет логичным, на мой взгляд, начать с уяснения понятия закон, его природы и сущности. Среди представителей советских и постсоветских общественных (гуманитарных, социальных) наук и соответствующих сфер иных форм познания термин закон больше используется в узком понимании – применительно к системе регуляции социально-экономического бытия человека, описания миропорядка и правопорядка, без учета его широкого понимания. На мой взгляд, это влияние, прежде всего, позитивизма (нормативизма), особенно глубоко пустившим свои корни (причем, главным образом, идеологические) в советской действительности. Поэтому, представляется вполне

закономерным, что в сегодняшнем казахстанском (постсоветском) обществе, в том числе и среди представителей центральных органов государственного управления, по инерции термином закон (позитивный закон) подменяется более фундаментальная (широкая) категория как право.

Использование термина закон как инструмента социальной регуляции вполне логично и оправданно, поскольку именно на его основе формируется и функционирует глобальный миропорядок и правопорядок. Принципиальным моментом при использовании данного термина, на мой взгляд, является то, какой смысл вкладывает в его содержание познающий субъект (актор, законодатель, правоприменитель, участник правоотношения и т.д.), как он понимает природу и сущность термина закон. Я исхожу из того, что нельзя игнорировать природу закона в широком значении – только на ее основе можно дать более точную характеристику социально-правовому (позитивному) закону как разновидности закона в его широком понимании.

По моему мнению, основным отличительным признаком социально-правового закона от всякого иного является то, что его источником выступают воля человека (законодателя) и основанная на ней модель законопослушного поведения участников общественных отношений. Именно в человеческой воле (индивида, группы, общества в целом) находится, на основе каких идей и ценностей, принципов и предпочтений будет сформирован позитивный закон. Именно человек в лице законодательной власти постулирует правила поведения участников правоотношения – формализует их права и обязанности, юридическую ответственность. Поэтому на поверхностный взгляд, это выглядит как неоспоримая самодостаточность человека-законодателя – полная независимость законодательной власти от единого замысла природы и абсолютных первоначал всего живого и неживого. Однако, как известно, не все разделяют эту мировоззренческую формулу. Отсюда, на мой взгляд, и многовековые дискуссии касательно правопонимания, выражающиеся в непримиримости таких основных теоретических концепций как теория естественных прав, теория позитивного права, историческая школа права, марксистская теория права и т.д. Отсюда, как представляется, и различные подходы к единству и различию понятий право и закон, многие другие подобные противоречия и антитезы в теории права, законотворчестве и правоприменении.

На мой взгляд, главным контраргументом юридическому позитивизму выступает следующее. Человек по природе и сущности, его бытие далеко не свободны от единого «замысла» природы (всеобщего разума, бога и т.д.) (по Канту), абсолютного духа (по Гегелю). Всякий человек как частное проявление (микрочастичка) этого замысла находит свое материальное воплощение в плоти, рождается, живет и умирает благодаря и в соответствии с физическими и химическими, биологическими и социальными, а также другими известными и еще больше неизвестными человеку объективными законами. Человек, как представляется, хотя и особое, но, исходя из сказанного, всего лишь частное проявление обозначенного замысла, его

форм и законов – частное проявление некоего единого абсолюта, хотя и не доступного современному человеческому разуму.

На мой взгляд, этот замысел (единый абсолют) в самом общем абстрактном обобщении целесообразно выразить как триединство мироздания: идея (информация, замысел)-материя (носитель идеи)-мера (форма, количественный, качественный, порядковый и иной измеритель). Соответственно, и человек, способ его бытия как частное проявление (микрочастичка) этого абсолюта также подпадают под эту формулу триединства. Разумеется, природа не различает макро и микрокосмос, разделение на идею, материю и меру – мы исходим из того, что единый абсолют в своем замысле не разделим. Такое категориальное различие – это функция и инструмент познания человеческим разумом окружающей действительности. С этой позиции, как представляется, следует подходить и к характеристике первоначал природы человека, его сущности и социокультурного бытия, в том числе описания и объяснения нарратива дух и буква закона. Думается, глубоко прав Шарль Луи Монтескье, когда пишет: “Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы, они есть и у божества, и у мира материального, и у существа сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека” /3, с. 11/.

Таким образом, через призму обозначенного категориального триединства как наивысшей формы обобщения закон есть проявление меры – ее разновидность. Поскольку в природе вещей (явлений) мера не может существовать сама по себе, должна количественно и качественно, через порядковые и пропорциональные определенности придавать форму (определять границы) идеям и различным материям в их единстве, то и социально-правовой (позитивный) закон как мера социальной регуляции не может существовать вне идеи и материи человека, его социокультурного бытия. На мой взгляд, опираясь именно на эту мировоззренческую конструкцию следует подходить к описанию и объяснению содержания таких терминов как дух закона и буква закона, к объяснению их соотношения.

К вопросу о понятии духа закона, о его природе и сущности

В юридической среде, а иногда среди других гуманитариев и, даже, обывателей, термин “дух закона” имеет место быть, причем не без оснований. По моим наблюдениям, данный термин практически всегда используется в конструкции противопоставления с термином “буква закона”, также и тогда, когда хотят сказать о несовершенстве законодательных норм как одного из главных и рутинных причин структурных и институциональных кризисов, социально-экономических, политико-правовых и иных проблем. Апеллируя к термину “дух закона”, в то же время мало кто задумывается о природе и сущности этих конкурирующих терминов, их соотношении, о чем свидетельствует современный казахстанский дискурс. Получается своеобразный парадокс, с одной

стороны, в обществе “как бы” существует обоснованный запрос к данному нарративу – люди, обращающиеся к нему, видят в нем некую панацею разрешения обозначенных проблем. С другой, – не утруждают себя волевым и интеллектуальным усилием вникнуть в его смысл, оставаясь, соответственно, в рамках поверхностного (обыденного) понимания термина дух закона. Как представляется, еще меньше тех, кто пытается осмыслить (актуализировать) термин дух закона и права через призму правовой и других общественных (социальных, гуманитарных) наук.

На мой взгляд, если даже гипотетически допустить, что все гуманитарные науки самым серьезным образом возьмутся за исследование данной проблематики и ее актуализацию, то и этого будет явно недостаточно. Мы исходим из того, что ни правовая наука, ни какая другая, будучи даже высшей формой познания, тем не менее остаются лишь одной из них. По причине своего метода не одна общественная (гуманитарная) наука по определению не может вникнуть в природу духа закона, более того, не ставит это своей задачей. Таковое осмысление, на мой взгляд, это прерогатива больше философии /4; 5/ и методологии права, аксиологии и антропологии права. Мы полагаем, что как и понимание уже рассмотренного термина позитивный закон, так и термина дух закона (дух права) не может быть целостным и полноценным в рамках одной лишь аналитической юриспруденции (догмы права) и даже общественных наук в целом. Таковое осмысление, как представляется, есть прерогатива более широкого междисциплинарного исследования, где определяющее методологическое значение принадлежит обозначенным философским направлениям познания сущностей, форм и законов бытия.

Кроме того, здесь нельзя не учитывать и внутреннюю логику самого процесса познания элементов единой целостной сущности. Поэтому вполне очевидно, что если понимание смысла одного из терминов рассматриваемого словосочетания (как закон) в постсоветской действительности происходит в классическом типе рациональности (метода противопоставления субъекта к объекту познания), в логике позитивного правопонимания, то и понимание другого его составляющего (как дух) предопределено этими методологическими подходами. Поэтому критически относясь к классической парадигме познания, но не отвергая ее в целом, в логике обозначенной философско-методологической формулы первоначал, продолжим: если в триединстве мироздания закон (в широком понимании) есть проявление меры, а социально-правовой закон, в свою очередь, представляет собой частный случай обозначенного широкого понимания закона.

То дух (также в широком понимании) – это одно из альтернативных лексических имен такого элемента триединства как идея. Дух социально-правового (позитивного) закона же, соответственно, представляет собой частное проявление этого абсолютного духа (абсолютной идеи). При этом проявление это, на мой взгляд, имеет две ипостаси. Во-первых, – происходит в той же обозначенной общей логике триединства, но применительно только

к человеческому роду и его бытию (социокультуре) в структуре биосистемы в целом, животной систематики, в частности. Во-вторых, – дух этот выражается непосредственно через природу человека, проявляясь через такие свойства как высшие психические и когнитивные, а также культурно-нравственные начала человеческой природы.

Нарратив дух закона складывается из двух лексических единиц как дух и закон, двух смысловых единиц как дух и позитивный закон. Соответственно, за хотя и кратким понятием закон, данного несколько выше в широком и узком его значениях, на мой взгляд, методологически важно определиться и с исходным понятием дух, – важно понять, что же из себя представляет дух вне привязки к категории закон? – какое смысловое содержание вкладывают в этот базовый термин основные формы познания? Как известно, дух – есть категория мифическая (религиозная) и философская. В мифологии в самом общем представлении дух определяется как сверхъестественное бестелесное существо, наделённое волей (злой или доброй), способностью воспринимать предметы и различными сверхъестественными способностями, при этом само остающееся почти всегда недоступным для восприятия, в религиозном мировоззрении – изначальная движущая сила, присущая всему живому, а в некоторых культурах и неживому². Исходя из изложенного, дух закона в мифическом (религиозном) понимании есть некая сверхъестественная бестелесная, волевая и самодостаточная субстанция, которая наполняет позитивный закон, но которую человек не может познать, в ее существование лишь нужно верить.

Надо сказать, что дух является предметом осмысления и объяснения общественных (гуманитарных) наук. Однако наука, используя свой особый метод, подходит к познанию духа через призму объективизма и эмпиризма. Соответственно, в отличие от мифического понимания, общественные науки строят свое представление о духе (о духе права) не на “слепой” вере, а на научных гипотезах, логически их обосновывая свойственными им методами: наблюдениями, компаративистикой, историческим опытом, психологическими и поведенческими экспериментами, социальными опросами и т.д. Поэтому вполне объяснимо, что в науке права дух представлен посредством более близких рациональному разуму таких категорий как идея, ценности, убеждения, принципы и т.д. /6, с. 9/.

Философское объяснение духа, в свою очередь, происходит на стыке мифологического и научного его понимания. В методологическом плане здесь важно сказать, что философии в определенной мере не чуждо недоказуемое эмпирическим путем представление о духе как некой субстанции окружающей нематериальной действительности, – это, с одной стороны. В то же время, философия также не отвергает, а, напротив, опирается на результаты научных исследований как высшей формы познания. На этом рационально-методологическом стыке, на мой взгляд, и

² См. Википедия. Дух // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%83%D1%85>. Дата обращения: 11.11.2024г.

происходит философское определение категории дух: а) как высшей способности человека, позволяющей стать ему источником смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преобразования действительности; б) как высшей способности личности, позволяющей дополнить природную основу индивидуального и общественного бытия миром моральных, культурных и религиозных ценностей; в) как высшей способности человека, играющей роль руководящего и сосредоточивающего принципа для других способностей души; г) как идеальную правящую миром психологическую и социальную силу, к которой человек может и должен быть активно и пассивно причастен /7/.

На мой взгляд, такое обширное философское определение духа вполне соответствует обозначенному нами триединству мироздания, – а именно такому его элементу как идея, более того, он развивает и категоризирует эту нематериальную субстанцию через природу и сущность человека такими определенностями как особое качество человеческих способностей и проявление его индивидуальной и/или коллективной силы. Но и это, на мой взгляд, достаточно неполное определение категории дух. Поскольку мы обосновали концепцию, согласно которой человек и его социокультурное бытие обусловлены замыслом природы и логикой триединства мироздания (абсолюта), то, на мой взгляд, человек по своей природе и своем эволюционно-историческом развитии по определению неотривен от географических и климатических, демографических и миграционных, геополитических и всяких иных объективных детерминантов. Позитивный закон есть не только форма, но главным образом, его содержание – дух. Думается, именно дух закона имеет ввиду Шарль Луи Монтескье, когда пишет: “Они (*законы – Т.Ш.*) должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату, – холодному, жаркому или умеренному, – качества почвы, ее положению, размерам, образом жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов. – степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, правам и обычаям, наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются” /3, с. 16/.

Как известно, человек в социокультуре, в общественных отношениях представлен в различных статусах. В нашем случае имеют значение такие из них как статус законодателя, правоприменителя (правоохранителя), участника договорного или внедоговорного отношения, а также познающего социо-правовую действительность субъекта. Учитывая, что каждый отдельно взятый носитель этих статусов имеет свое, отличное от других, представление о духе в его религиозных, научных и философских значениях, тем не менее важно знать, какие же функционально-смысловые обременения влекут для понимания данного термина обозначенные статусы. На мой взгляд, для статуса законодателя, разумеется, через призму верховенства права и социальной справедливости (права должного), они заключаются: а) в

понимании его носителем той цивилизационной парадигмы, той сущности исторической культуры и того способа социально-экономического бытия, которые желаемы и созидательны, перспективны для возрождения и становления самобытной и самодостаточной казахстанской идентичности; б) в понимании географических, геополитических, геоэкономических и иных детерминантов, которые прямо или косвенно влияют на выбор Казахстаном своего цивилизационного пути, определение инструментов и способов решения ключевых задач на этом пути; в) на основе указанных сущностей и учете обозначенных детерминантов умения формировать и формулировать правовые принципы и основные начала национального законодательства, конструировать законодательные нормы.

Для статуса представителя правоприменительного и правоохранительного органов, участника иных правоотношений функционально-смысловые обременения, как думается, состоят в свою очередь, в умении видеть и воспринимать содержание духа закона носителем таких статусов через смысл и лингвистическую конструкцию обозначенных принципов, основных начал и законодательных норм в тех семантических значениях, которые и были заложены законодателем. На мой взгляд, – это должно было бы достигаться через игнорируемые постсоветским юридическим дискурсом такие требования (методологические принципы законотворчества и права) как определенность и прочность права /8, с. 89-119/. И, наконец, для статуса исследователя обозначенная обремененность включает в себя как эти, так и некоторые другие требования. В моем понимании – это знание научных методов и методов философской рефлексии, умение критически анализировать смысл и форму, виды и структуру правовых принципов и законодательных норм, умение через призму обозначенной целостной и междисциплинарной сущности синтезировать новые знания о духе права.

Исходя из изложенного можно сказать, что дух как базовая философская категория в нарративе духа закона выполняет свою предопределяющую методологическую функцию. Как пишет В.В. Сорокин: У любой правовой системы в мире существует изначальный базисный ориентир (дух права), который задает содержание норм права, форму права, виды правоотношений и соответствующие особенности правосознания. Он выражается в правовых идеалах, принципах права, юридическом стиле, во многих других духовно-нравственных проявлениях. Дух есть базис, основа правовой культуры всякого общества /6, с. 6/. Таким образом, предвосхищая понятие “буква закона” следует отметить, что по отношению к последнему “дух закона (права)” выступает предопределяющей фундаментальной и глубинной основой – мировоззренческой и методологической, антропологической и эпистемологической его основами.

К вопросу о природе и сущности буквы Закона

Мы несколько выше уяснили, что представляет из собой термин духа закона. Возникает следующий логичный вопрос, что же нужно понимать под

термином “буква закона” в обозначенной дихотомии – в искусственном противопоставлении духа и буквы закона? Во многих словарях русского языка буква закона справедливо определяется как точное, не допускающее отклонений толкование закона; формальное толкование закона. Как видим, данный термин (словосочетание) состоит из двух слов, причем термин “буква” в прямой интерпретации мало имеет отношения к юриспруденции. Согласно википедии, буква представляет собой тип графемы, которая является минимальной единицей письменности в алфавитных системах письма³. Буква также идентифицирует звук как первичную единицу в устной речи (говорении). В этой связи возникает другой логичный вопрос, чем обусловлено использование в юридических дискурсах данного лингвистического термина.

На мой взгляд, историческое обращение в данной юридической риторике к термину буква несёт больше метафорическую нагрузку, нежели лексическую – призвано передать, как представляется, следующие основные смыслы. Во-первых, по аналогии с пониманием термина “буква” в структуре слова, обращение к этому термину в юриспруденции подчеркивает структурный статус законодательной нормы как первичной единицы законодательного акта и законодательной системы в целом. Как всякое слово формируется из букв, точно так же закон (как целостная предметно-функциональная целостность со своей целью и задачами) складывается из совокупности отдельных, определено и относительно самостоятельных норм; во-вторых, такое сравнительное обращение к термину “буква” акцентирует внимание на объективную сущность закона как совокупности правовых норм, его внешнюю и формализованную самостоятельность по отношению к духовной и эмоциональной, ценностным и душевным его составляющим. К примеру, у Л.Н. Толстого мы читаем: “Но на своем месте я не позволяю себе отступать от самой строгой буквы закона, именно потому, что я – человек и могу увлечься жалостью” (*воскресенье, 1899*).

В-третьих, – метафорическим обращением к термину “буква”, на мой взгляд, подчеркивается принадлежность закона (соответственно, и нормы) к знаковой системе. Причем не ко всякому, а к такому ее типу как знаки-символы, означающего, что эти знаки не связаны материально и по форме (образу) не сходны с представляемыми ими объектами /9, с. 16-17/. Таким знаком выступает слово, отличительной чертой которого является только его смысловая нагрузка – смысловое значение. Соответственно, вопрос точного, не допускающего отклонения толкования нормы как первичного элемента законодательного акта напрямую связан с буквально-смысловым значением слова, морфологической и синтаксической согласованностью совокупности слов в предложении, лексическими, грамматическими и логическими типами связи предложений в тезисе (абзаце, высказывании) как самостоятельной смысловой единицы.

³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%83%D0%BA%D0%B2%D0%B0>. Дата обращения 19.12.2024г.

По форме слово – это знак-символ (графическое или звуковое), по содержанию – мысль. Специфика слова как знака-символа состоит в том, что его смысловое значение обусловлено далеко не всегда одинаковым пониманием, с одной стороны, написавшим (произнесшим) это слово (предложение, тезис, текст), с другой, – лицом (неограниченным количеством лиц), воспринимающим слово (предложение, тезис, текст). Термин буква закона означает, что как автор текста (законодатель, исследователь), так и его читатели (участники правоотношений, правоприменители и т.д.) воспринимали (толковали) смысловое значение слова (предложения, тезиса, текста) одинаково, исходя из его (их) лексического, семантического значений, не допуская какого-либо домысливания.

Хороший закон через призму его языковой конструкции, на мой взгляд, – это тот закон, комментарий которого (его норм) не вызывает расхождений со стороны различных его научных и профессиональных комментаторов, создан в соответствии с обозначенными юридическими принципами определенности и прочности. Хороший закон, – это тот, использование которого в юридической практике и применение в правосудии не вызывает разногласий среди участников правового отношения (юридического процесса, правового конфликта). По отношению к правоприменению обращение к букве закона означает его непредвзятое толкование со стороны участников правоотношений, избегание языковых манипуляций /10/, уважение принципов разумности и добросовестности с их стороны. Существующий в современном Казахстане уровень обращений участников правоотношений в органы правосудия, затем и в вышестоящие инстанции по обжалованию судебных решений наглядное свидетельство далеко не одинакового понимания правовых норм в казахстанской социально-правовой действительности.

О соотношении буквы и духа закона

На мой взгляд, казахстанцы правы, когда в поисках причин структурных и институциональных кризисов, социально-экономических, политико-правовых и иных проблем таковыми причинами называют несовершенство национальной системы, как альтернативу несовершенным законодательным нормам (букве закона) называют дух закона. В.В. Сорокин один из немногих ученых-юристов, который, достаточно детально анализируя соотношение буквы и духа закона, уверенно утверждает и вполне убедительно обосновывает первичность духа закона (права) относительно буквы закона. По его убеждению, “Законы государства могут быть противоречивыми, пробельными, недоступными для понимания, и во всех этих случаях на выручку субъектам права приходит дух права”. Как считает автор, “Дух права взывает к разумным и целесообразным действиям, а не к беспорядочным метаниям. Он не приемлет всего, что вводит правовое сознание в сумеречное состояние непонимания смыслов сущего и должного. Дух права составляет коренную основу правового сознания общества. В

праве, как и в искусстве, воздействующем на сознание и поведение человека, главное – его дух, смысл и образ: только тогда форма права приобретает полноту и целостность своих функциональных характеристик” и т.д. /6, с.12/.

В целом соглашаясь с позицией автора, исходя из логики единства формы и содержания, обозначенного триединства мироздания, некоторое сомнение вызывает понимание автором и общественным дискурсом самого термина “закон”. Как было показано выше, закон в широком понимании присущ всему сущему – есть выражение такого элемента триединства как мера. Позитивный закон, с одной стороны, – есть частный случай проявления закона в широком понимании. Соответственно, он должен соответствовать объективным законам миропорядка – быть в диалектическом единстве с физическими и химическими, биологическими и иными законами. Так должно быть согласно замыслу природы (должное). С другой стороны, позитивный закон есть продукт человеческого разума, воли и интересов отдельного индивида (монарха, президента) или социальной группы (политической партии, парламента, хунты и т.д.). Соответственно, он может быть не только созидательным, а, напротив, разрушающим, служить интересам не добра, а зла – быть таким как есть (сущее).

Возникает справедливый вопрос, можно ли через призму замысла природы, главным образом, культурных (цивилизационных) начал человеческой природы называть такое установление законом, справедливым и отражающим природу человека как социокультурного существа? Может быть – это лишь насильственно и посредством манипулирования формализованный и подогнанный под термин закон произвол, который не отражает ни естественную природу человека, ни его духовные и нравственные ценности? Однозначного ответа дать на вскидку явно не представляется возможным. На мой взгляд, это один из главных сущностных противоречий, который заслуживает междисциплинарного исследования, в том числе и через призму соотношения духа и буквы закона.

Выводы (заключение)

Справедливый Казахстан, Новый и старый Казахстан, дух и буква закона применительно к казахстанской идентичности – это познавательные категории примерно одного мировоззренческого порядка. Целостное понимание любого из них невозможно вне хотя бы общего представления сущности всех других, их методологических и предметных связей. Выдвигая в настоящем исследовании на первый план нарратив дух и букву закона, их соотношение (предмет исследования), автор рассматривает их природу и сущность исходя из их актуальности в рамках выбора и формирования новой цивилизационной- правовой модели сегодняшнего Казахстана.

Придерживаясь концепции триединства мироздания под термином дух закона автор предлагает понимать внутреннюю сущность позитивного закона, которая берет начало в абсолютном духе (замысле природы), прямо или опосредованно отражает его (дух) через такие частности как: а) органическое сосуществование человека в биосфере, когнитивные

особенности его животных начал в систематике животного мира; б) природный потенциал социокультурных начал человека разумного и нравственного, эмоционального и рационального, его эволюционное и историческое развитие. Буква закона же, по мнению автора, представляет собой материализованную форму проявления этих частных начал через: а) конструкции правовых принципов и законодательных норм, субъективные права и обязанности участников правоотношений, их юридическую ответственность; б) знаки-символы (текст), из которых и состоит всякий законодательный акт и норма. Дух и норма закона, по мнению автора – это не противостоящие сущности, а, напротив, это неотъемлемые и органически связанные элементы позитивного закона, которые как частные проявления элементов триединства мироздания отражают общий замысел природы и всеобщий абсолют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т. 2. Өлендер мен аудармалар, поэмалар, қарасөздер, – Алматы: Жазушы, 205. – 336 бет.
2. Шиктыбаев Т.Т. Деликтные обязательства: Учебное пособие. В 2 частях (Часть 1). – Алматы: ТОО «Издательство «Норма К», – 2011. – 168 с.
3. Монтескье, Шарль Луи. О духе законов / Шарль Луи Монтескье : / перевод с французского А. Горифельда/. – Москва : Издательство АСТ, 2022. 864 с.
4. Радбрух, Густав. Философия права / Г. Радбрух; пер. с нем. Ю.М. Юмашева, – 2-е изд, – М.: Международные отношения, 2023, – 240 с.
5. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М.: Издательство НОРМА, 1998. - 416 с.
6. Сорокин В.В. Дух права и буква закона: характер соотношения // Правоприменение 2021. Т. 5, № 2. С. 5–15.
7. Доброхотов, А.Л. Дух. Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0ea82473b0fe73df681b0>. Дата обращения: 11.11.2024г.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. 353 с.
9. Ивлев, Ю.В. Логика для юристов. – учебник, – 5-ое изд. перераб. и доп. – Москва: Проспект, 224. – 272с.
10. Шиктыбаев, Т.Т., Каспаева, Р.С. Язык как метод презентации, создания и реализации права // Право и государство, №3 (92), 2021. С. 128-141.

REFERENCES

1. Abai (Ibrahim) Құнанбайұлы. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т. 2. Өлеңдер мен аудармалар, поемалар, қарасөздер, – Алматы: Zhazushy, 205. 336 бет.
2. Shiktybaev T.T. Deliktnye obiazatel'stva: Uchebnoe posobie. V 2 chastiakh (CHast' 1). Алматы: TOO «Izdatel'stvo «Norma K», – 2011. 168 p.
3. Montesk'e, SHarl' Lui. O dukhe zakonov / SHarl' Lui Montesk'e : / perevod s frantsuzskogo A. Gorifel'da/. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2022. 864 p.
4. Radbrukh, Gustav. Filosofii prava / G. Radbrukh; per. s nem. IU.M. IUmashева, – 2-e izd., – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2023, – 240 p.
5. Alekseev S.S. Samoe sviatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuil Kant i problemy prava v sovremennuiu epokhu. Moskva: Izdatel'stvo NORMA, 1998. - 416 p.
6. Sorokin V.V. Dukh prava i bukva zakona: kharakter sootnosheniia // Pravoprimenie 2021. T. 5, no 2. S. 5–15.
7. Dobrokhotoev, A.L. Dukh. Novaia filosofskaia entsiklopediia. Elektronnaia biblioteka IF RAN // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0ea82473b0fe73df681b0>. Data obrashcheniia: 11.11.2024g.
8. Pokrovskii I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. Moskva: Statut (v serii «Klassika rossiiskoi tsivilistiki»), 1998. 353 p.
9. Ivlev, IU.V. Logika dlia iuristov. uchebnik, – 5-oe izd. pererab. i dop. Moskva: Prospekt, 224. 272s.
10. Shiktybaev, T.T., Kaspaeva, R.S. IAzyk kak metod prezentatsii, sozdaniia i realizatsii prava // Pravo i gosudarstvo, no3 (92), 2021. S. 128-141.

Шиктыбаев Т.Т.,
заң ғылымдарының докторы, профессоры,
toksanbi@gmail.com¹

Даукетова Ж.Б.,
заң ғылымдарының магистры, доцент,
janat_dauketova@mail.ru¹

*Академик З. Алдамжар атындағы
Қостанай әлеуметтік-техникалық университеті,
110000 Қостанай қ., Қобыланды батыр даңғылы ,27¹*

ӘДІЛ ҚАЗАҚСТАН: ЗАҢНЫҢ РУХЫ МЕН ХАТЫ ТУРАЛЫ

***Андапна.** Мақала әлеуметтік-құқықтық дискурста Заңның рухы мен әрпі ретінде кеңінен қолданылатын әңгімелердің бірінің табиғаты мен мәнін, олардың бірлігі мен қарама-қайшылығын түсінуге арналған. Автор бұл әңгімені әділ Қазақстан, жаңа және ескі Қазақстан сияқты өзекті әңгімелермен өзара байланыста қарастырады. Мәлімделген тақырып*

аясында заңды ажырату ұсынылады: а) кең мағынада-ғаламның үштұғырлығындағы шараның жеке көрінісі ретінде: идея-материя-Өлшем; және б) тар – адамның әлеуметтік – мәдени қызметінің өнімі ретінде-заңға қатысты (кең мағынада) оның жеке көрінісі ретінде әрекет ететін әлеуметтік реттеу шарасы (әлеуметтік-құқықтық заң). Жұмыста құқық рухын тұтас түсіну тұжырымдамасы алға тартылады, таным формаларының әдістерін ажырату негізінде автор терминді рух ретінде түсінудің ерекшелігін келесідей негіздейді. Сонымен, мифологияда (дінде) автор рух ұғымының анықтамасын сенімде-адамның ақыл-ойы үшін табиғаттан тыс және қол жетімді емес зат ретінде көреді; ғылымда-объективті ғылыми категорияларда және адамның ішкі (психикалық, эмоционалдық және т. б.) әлеміне қатысты тексерілетін гипотезаларда; философияда-абстрактілі ұғымдар арқылы идея,құндылық, адамгершілік және т. б.; Автор "әріп" терминін лингвистикалық бірлік деп санайды. Автордың әрпі терминіне құқықтану және басқа да әлеуметтік ғылымдардағы метафоралық үндеу тарихи қажеттілікті негіздейді: а) заңнамалық актінің бастапқы бірлігі ретінде заңнамалық норманы (лингвистикадағы әріпке ұқсас) бөліп көрсету; б) норма мен заңның объективті мәнін, сыртқы және формальды өзін-өзі қамтамасыз етуін ерекше көрсету; в) Заңның (норманың) тиесілігін атап көрсету белгі жүйесіне. Автор Заңның рухы мен әрпі қарама – қарсы субъектілер емес, керісінше, позитивті Заңның ажырамас және органикалық байланысқан элементтері, олар Ғаламның үштұғырлығы элементтерінің ерекше көріністері ретінде табиғаттың жалпы ниеті мен жалпыға ортақ абсолютті көрсетеді деген қорытындыға келеді. Жұмыстың мақсаты автор рух пен заңның әрпі туралы біртұтас және пәнаралық түсініктің қалыптасуын білдіреді, автор тарихи және салыстырмалы (салыстырмалы) әдістерді, талдау мен синтезді, олардың бірлігінде дедукция мен индукцияны, эмпириканы және жеке зерттеу тәжірибесін қолданады.

Түйін сөздер: әділ Қазақстан; ескі Қазақстан; Жаңа Қазақстан; Заң рухы; Заңның әрпі, оң заң; әлемнің үштұғырлығы.

Shiktybaev T.T.,
Doctor of Law, Professor,
toksanbi@gmail.com¹

Dauketova J.B.,
магистр юридических наук, доцент,
janat_dauketova@mail.ru¹

*Kostanay Social-Technical University named after Z.Aldamzhar,
110000 Kostanay, ave. Koblandy Batyr, 27¹*

FAIR KAZAKHSTAN: ON THE SPIRIT AND LETTER OF THE LAW

Abstract: *The article is devoted to understanding the nature and essence of one of the narratives widely used in social and legal discourse as the spirit and letter of the law, their unity and opposition. The author considers this narrative in relation to such relevant narratives as fair Kazakhstan, new and old Kazakhstan. Within the framework of the stated topic, it is proposed to distinguish the law: a) in a broad sense – as a particular manifestation of measure in the trinity of the universe: idea-matter-measure; and b) in the narrow sense – as a product of socio-cultural human activity - a measure of social regulation (socio-legal law), acting in relation to the law (in a broad sense) as its private manifestation. The paper puts forward the concept of a holistic understanding of the spirit of law, based on the distinction of methods and forms of cognition, the author substantiates the specifics of understanding the term as spirit as follows. Thus, in mythology (religion), the author sees the definition of the concept of spirit in faith as a kind of supernatural substance inaccessible to the human mind; in science, in objective scientific categories and testable hypotheses regarding the inner (mental, emotional, etc.) world of man; in philosophy, in rational understanding through abstract concepts such as idea, value, morality, etc.; The author considers the term "letter" to be a linguistic unit. The author justifies the metaphorical use of the term letter in jurisprudence and other social sciences by historical necessity.: a) to single out a legislative norm (by analogy with a letter in linguistics) as the primary unit of a legislative act; b) to emphasize the objective essence, external and formalized self-sufficiency of the norm and the law; c) to emphasize the affiliation of the law (norm) to the sign system. The author argues that the spirit and the letter of the law are not opposing entities, but, on the contrary, integral and organically related elements of the positive law, which, as particular manifestations of the elements of the trinity of the universe, reflect the general plan of nature and the universal absolute. The purpose of the work is to form a holistic and interdisciplinary understanding of the spirit and letter of the Law. The author uses historical and comparative methods, analysis and synthesis, deduction and induction in their unity, empiricism and personal research experience.*

Keywords: *fair Kazakhstan; old Kazakhstan; New Kazakhstan; spirit of the law; letter of the law, positive law; trinity of the universe.*